

0452

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Индия Грэй

ЧТО ГОТОВИТ НАМ СУДЬБА

Пыдай себе мечты

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Индия Грэй

Что готовит нам судьба

«Центрполиграф»

2011

Грэй И.

Что готовит нам судьба / И. Грэй — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Согласившись сыграть возлюбленную своего друга Джаспера Фицроя на семейном торжестве, актриса Софи Гринэм случайно знакомится в поезде с его братом, Китом. Посчитав Софи распутной охотницей за деньгами семьи, Кит решает разоблачить ее. Но правда о Джаспере, семье Фицрой и истинных мотивах Софи оказывается более шокирующей, чем он мог себе представить...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Индия Грэй

Что готовит нам судьба

India Grey

GRAVING THE FORBIDDEN

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Graving the Forbidden © 2011 by India Grey

«Что готовит нам судьба»

Глава 1

Поезд тронулся. Софи Гринэм прислонилась к стенке тамбура и выдохнула с облегчением. Сердце все еще колотилось после отчаянного спринта по платформе лондонского вокзала Кингс-Кросс с сумкой, грозившей в любой момент лопнуть по швам, но она успела!

Возможно, выдохнуть было еще рано, учитывая, что вид для путешествий общественным транспортом у нее был категорически неподходящий. Софи примчалась на вокзал прямо с проб к фильму о вампирах. Ее черное сатиновое платье с тугим корсетом едва прикрывало ягодички, а черные ботинки на каблуках и шнуровке вполне годились для прогулок по панели. Но все это пока казалось незначительным по сравнению с тем, что она не опоздала на поезд и не подвела Джаспера! Теперь главное – не снимать пальто, чтобы ее не арестовали за непристойный вид.

Снаружи темнело. Окна проплывающих мимо зданий проливали желтоватый свет на грязные сугробы.

Поезд дернулся, застав Софи врасплох. Семена на дурацких каблуках, она едва не врезалась в какого-то парня. Нужно было бы зайти в туалет и переодеться во что-то более пристойное, но на Софи нахлынула усталость. Сил хватило только на то, чтобы поднять сумку и ввалиться вместе с ней в ближайший вагон.

Он был забит до отказа. Стараясь не сбивать сумкой с подлокотников картонные стаканчики с кофе, Софи пробралась в следующий, который оказался ничуть не свободнее. Чувство триумфа, овладевшее ею после посадки, испарялось с каждым новым переполненным вагоном, пока она не очутилась в той части поезда, где толкучки не могло быть по определению. Здесь на полу лежали ковровые дорожки, на столиках горели маленькие уютные лампы, а шикарную обивку сидений на подголовниках венчали салфетки с надписью «Первый класс».

Бизнесмены с глазами, намертво приклеенными к ноутбукам и газетам, не удостаивали Софи вниманием, пока благоговейную тишину вагона не нарушил звонок ее мобильного. Зажав сумку в одной руке, второй Софи пыталась нащупать телефон в кармане пальто и при этом не дать полам распахнуться, явив взглядам потревоженных пассажиров жуткий наряд. Наконец, в отчаянии бросила вещи на ближайший столик и все-таки выудила мобильник как раз вовремя, чтобы увидеть на дисплее имя Жан-Клода.

Вот черт!

«Два месяца назад я бы обрадовалась его звонку», – подумала Софи, сбрасывая вызов. Но тогда Жан-Клод еще не растерял в ее глазах очарования свободного парижского художника. Он выглядел таким богемным, таким равнодушным к мирской суете, когда привозил картины на съемочную площадку фильма, в котором она снималась! Невозможно было предположить, что такой человек окажется настырным занудой и страшным собственником...

Софи упала на сиденье, слишком усталая, чтобы двигаться дальше. Сиденье напротив занимал еще один бизнесмен, скрытый за развернутой газетой. Рубрика «Гороскоп» смотрела прямо на девушку. «Будьте готовы приложить максимум усилий, чтобы произвести хорошее впечатление, – прочитала она. – Полнолуние 20-го – прекрасный момент показать окружающим вашу истинную сущность».

Сегодня было как раз 20-е. И хотя Софи действительно готовилась дать представление, достойное «Оскара», чтобы очаровать семью Джаспера, показать им, кто она такая на самом деле, ей хотелось меньше всего на свете.

Звонок снова прорезал тишину вагона. Софи застонала: почему никто не научил Жан-Клода понимать намеки? Она схватила телефон, чтобы выключить его, но поезд качнулся, и палец девушки вдавил кнопку «ответить».

– Софи? Софи, где ты...

– Вы позвонили на автоответчик мадам Софии, астролога и предсказательницы будущего, – промурлыкала девушка первое, что пришло в голову, уставившись на свое отражение в оконном стекле. – Сообщив мне свое имя, контактный номер и знак зодиака, вы узнаете, что вам готовит судьба...

Она замолчала, потеряв нить монолога, когда поняла, что смотрит прямо в глаза незнакомца напротив. В сравнении с белизной рубашки его кожа казалась очень загорелой, что мало вязалось с суровым лицом средневекового рыцаря с полотен прерафаэлитов: красивым, бескровным, отстраненным. Другими словами, совсем не в ее вкусе.

– Софи, это ты? Я тебя почти не слышу! Ты едешь на Евростаре? Скажи мне, когда встретить тебя на Северном вокзале.

Упс! Она совсем забыла о Жан-Клоде. Нужно было развязаться с ним прежде, чем его назойливые звонки в течение уик-энда скомпрометируют ее образ милой, восторженной подружки сына перед семьей Джаспера.

– Нет, я не на Евростаре. Я в Лондоне.

– А когда вернешься в Париж? – требовательно поинтересовался Жан-Клод. – Ты нужна мне здесь для картины. Я должен видеть твою кожу, чувствовать ее, чтобы поймать контраст с лепестками лилий.

«Обнаженная с лилиями» – так художник назвал видение, которое, по его словам, посетило его после встречи с Софи в баре парижского квартала Марэ. Девушка была польщена вниманием и решила, что позировать ему, должно быть, очень эротично.

Реальность оказалась холодной и неправдоподобно скучной.

– Нарисуй больше лилий, чтобы прикрыть кожу. – Софи поборола смех и продолжила более ласково: – Я не знаю, когда вернусь, но ведь мы не собирались оставаться вместе до самой смерти. Правда, это был всего лишь секс...

Поезд въехал в тоннель, сигнал пропал. Темнота за окном сделала отражение освещенного вагона в стекле более четким, и Софи поймала осуждающий взгляд попутчика. На миг ей снова стало восемь лет, она держала мать за руку, а люди глазели на них с таким же неодобрением. Старые обиды заворачивались в душе, когда она вспомнила голос матери, пронзительный от негодования: «Не обращай внимания, Саммер. Мы имеем такое же право находиться здесь, как и все они...»

– Софи?

– Да, – ответила она, внезапно растеряв весь пыл. – Извини, Жан-Клод, сигнал очень слабый.

– Хорошо, я перезвоню позже.

– Нет! Вообще не звони мне в этот уик-энд! Я... еду сниматься за город, а ты знаешь, что брать телефон на площадку нельзя. Я сама свяжусь с тобой в понедельник. И мы все обсудим, как следует.

«Это я глупость сморозила, – устало подумала Софи, отключая телефон. – Нечего нам обсуждать». С Жан-Клодом ее связывала только ни к чему не обязывающая интрижка в ветреном Париже. Она закончилась, настало время двигаться дальше.

Опять.

Засунув телефон в карман, девушка повернулась к окну. Снежинки танцевали в свете фонарей и заматали узор следов на улицах безымянного городка с рядами домиков, отрезанных от зимнего вечера плотными занавесками. Она воображала людей внутри: семьи, уютно препирающиеся за право обладания пультом на диване перед телевизором, или влюбленных, которые обмениваются поцелуями между глотками вина.

В данный момент картины домашнего уюта не вызывали у Софи ничего, кроме легкой депрессии. Вернувшись из Парижа, она обнаружила, что бойфренд ее соседки по квартире переехал к ней жить, превратив их обиталище в головной офис Общества счастливых парочек.

От атмосферы веселого бардака, в которой Софи и Джесс существовали до этого, не осталось и следа. Квартира сияла чистотой, на диване завелись новые подушечки, а на кухонном столе – свечи.

Звонок Джаспера с просьбой изобразить его девушку на семейном торжестве в Нотумберленде пришелся как нельзя кстати. «Но ведь это можно было предвидеть», – грустно подумала Софи. Все вокруг сбивались в пары, пока она не осталась единственным человеком, не желавшим обязательств. Даже Джаспер проявлял пугающую тенденцию отказываться от походов по ночным клубам и дискотекам в пользу домашних вечеров наедине с Сержио.

Но кому нужно что-то серьезное, если можно просто получать удовольствие?

Резко поднявшись, Софи подхватила сумку и попыталась запихнуть ее на багажную полку над головой. Задача оказалась нелегкой. Толкая матерчатые бока, девушка чувствовала, как омерзительное платье задирается все выше. Более того, пальто распахнулось, открыв попутчику вид на скрипящий под давлением корсет. Раскрасневшись от смущения, она бросила взгляд на отражение мужчины в окне.

Он даже не собирался смотреть на нее, сосредоточившись на газете. Почему-то его равнодушие задело Софи больше, чем явное осуждение несколькими минутами ранее. Запахнув пальто, она снова уселась на свое место, но случайно столкнулась с ним коленями под столиком.

И замерла, когда внутри ее неожиданно прошел короткий дождь из сияющих искр.

– Простите, – пробормотала она, торопливо поджимая ноги.

Газета медленно опустилась. Софи потряхивало, даже когда она обменивалась с незнакомцем взглядами через стекло, но смотреть напрямую оказалось все равно что трогать оголенный провод. Его глаза были темно-серыми, цвета вод северных морей, обрамленными густыми темными ресницами.

– Нет проблем. Казалось бы, в вагоне первого класса можно было оставить больше места для ног, не правда ли?

Голос у него оказался низкий, с бархатной хрипотцой, такой сексуальный, что Софи полагось бы обрадоваться перспективе провести несколько часов в его обществе. Но язвительный акцент на словах «вагон первого класса» и то, что незнакомец разглядывал ее, как гусеницу в салате от шеф-повара дорогого ресторана, начисто аннулировали его физическую привлекательность. Софи редко находила общий язык с людьми, которые смотрели на нее подобным образом.

– Согласна, – ответила девушка с аристократической самоуверенностью. – Просто возмутительно.

Затем она беззаботно – по крайней мере, ей хотелось думать, что именно так это выглядело со стороны, – подняла высокий ворот старенького френча, поудобнее устроилась на сиденье и закрыла глаза.

Кит Фицрой отложил газету. Обычно в отпуске он старался не читать репортажи из мест, где служил: черно-белые колонки текста не могли в полной мере передать бесконечность жары, песка и отчаяния. Он хотел ознакомиться с новостями мирной жизни, результатами скачек и футбольных матчей, но в результате прочел все от корки до корки в тщетной попытке не думать о девушке напротив. Но это не спасло Кита от интенсивного ощущения ее присутствия и близости.

«Нечему тут удивляться», – ядовито констатировал Кит. Проведя последние месяцы в чисто мужской компании, он все еще оставался в достаточной мере живым человеком, чтобы остро реагировать на полуодетых девушек с томными голосами кафешантанных певичек.

Он снова посмотрел на девушку. Она заснула быстро и аккуратно, как кошка, подобрав под себя ноги. По губам цвета малины бродила легкая улыбка, словно ей снилось что-то забав-

ное. На веках можно было разглядеть стрелки черной подводки, чуть приподнятые к внешним уголкам. Наверное, именно эта уловка придавала ей такое сходство с представительницей семейства кошачьих.

Нет, не только. Еще цвет глаз – зеленый, как молодая листва, который отпечатался у Кита в памяти и виделся ему даже сейчас, когда она спала.

Если только она спала. У Кита выработалось отличное чутье на фальшь: эта барышня запустила сигнал тревоги, как только вошла в вагон. Но сейчас что-то подсказывало ему, что она не притворяется. И дело было не столько в ее неподвижности, сколько в том, что воздух больше не искрил от излучаемой ею энергии.

Крепкий сон – награда для людей с чистой совестью. Учитывая бесстыдство, с которым она лгала по телефону, ее покой казался страдавшему бессонницей Киту кощунственно несправедливым. Она выглядела так безмятежно, что одно лишь медитативное созерцание пряди медных волос, которая упала ей на нос и колыхалась при каждом вздохе, заставило его ощутить собственную усталость.

– Ваши билеты, пожалуйста.

Появление контролера спугнуло дремоту со всего вагона, однако ресницы девушки даже не шелохнулись.

Теперь Кит видел, что она старше, чем можно было предположить по нелепому наряду. Но в ней еще можно было разглядеть что-то детское, если сделать над собой усилие и проигнорировать кремовые полушария груди в черном кружеве декольте. А Кит очень старался их игнорировать.

Контролер потянулся к плечу спящей девушки.

– Не вздумайте.

«Зачем я это?» – подумал Кит, отвечая на удивленный взгляд контролера механической улыбкой.

– Она со мной.

– Извините, сэр. Я сразу не понял. У вас есть билеты?

– Нет. – Кит открыл бумажник. – Два обратных до Элнбурга, пожалуйста.

Пока контролер пробивал билеты, Кит снова переключил внимание на попутчицу. Несмотря на почти достоверную имитацию речи и поведения девушки из высшего общества, он готов был присягнуть, что она отродясь не ездила первым классом, тем более за свои деньги. Почему он не позволил контролеру разбудить и высадить самозванку? В этом случае он продолжил бы путешествие в одиночестве и с комфортом. Больше места для ног. И никаких несвоевременных мыслей.

Кит Фицрой жил в твердом убеждении, что его долг – помогать людям, лишенным тех привилегий, которыми обладал он. Оно поддерживало его во время учебы в военной академии, давало силы для бесконечных патрулей, внушало уверенность, когда он шел вдоль пустого шоссе к неразорвавшейся бомбе. Однако, как правило, не побуждало оплачивать незнакомкам проезд в вагонах первого класса.

Наверное, дело было в том, что рыжеволосое создание в безумном наряде скрасило ему путь от одного тоскливого мероприятия к другому. Это стоило денег, которые Кит заплатил за лишний билет. Даже без бонусов в виде возможности заглянуть в глубокое декольте и почувствовать касание ножки, напомнившей Киту, что, в отличие от многих менее удачливых сослуживцев, он все еще жив.

Глава 2

Когда Софи проснулась, незнакомец, стоя спиной к ней, снимал с багажной полки дорожной кожаный чемодан. Она могла без помех полюбоваться его широкими плечами и узкими бедрами под тканью сшитых на заказ черных брюк. «Да, – сонно подумала девушка. – Такое физическое совершенство встретишь нечасто. Жаль, что к нему прилагается немыслимое количество высокомерия».

– Извините, вы не подскажете, что мы сейчас проезжаем?

– Элнбург.

Это название окончательно разбудило Софи. Она вскочила, но тут поезд начал тормозить, и неожиданный рывок бросил девушку прямо на незнакомца. В любой дурацкой мелодраме, где ей доводилось сниматься, она упала бы в раскрытые объятия, но в реальности лишь стукнулась о твердые мышцы груди под элегантной рубашкой. Его жесткая, как стальные тиски, рука помешала ей отлететь рикошетом обратно на сиденье. Торопясь восстановить баланс, Софи автоматически уперлась ладонью ему в грудь – и вождение взорвалось, вспыхнуло внизу живота сигнальным костром.

Измученная собственной реакцией, она посмотрела на мужчину и открыла рот, чтобы извиниться. Но в отделе мозга, отвечавшем за речь, зияли непонятные пустоты, а думать Софи могла только о том, как роскошно его серебристо-серые глаза смотрятся вблизи...

– Мне... надо... выйти.

Такую фразу не вложил бы в уста героини ни один уважающий себя сценарист мелодрамы, но она возымела эффект. Мужчина отпустил Софи и отвернулся:

– Все в порядке. Мы еще не на станции.

Софи потянула с полки сумку, поглядывая в окно вагона на машины за шлагбаумом и подсвеченную табличку «Элнбург» в снежной шапочке. Сумка не поддавалась. Софи потянула сильнее и услышала за спиной нетерпеливое:

– Позвольте мне.

Одним движением мужчина протянул руку над ее плечом и взялся за ручки.

– Нет, постойте... Молния! – пискнула Софи, но было уже поздно.

Дешевая застежка, еле справлявшаяся с давлением наспех засунутых внутрь сумки вещей, разошлась. Окоченев от ужаса, Софи смотрела, как платья, туфли и – конечно же! – нижнее белье вываливаются на всеобщее обозрение.

– Вам следует вернуть сумку в магазин, – с иронией заметил ее попутчик, отцепляя от багажной сетки изумрудно-зеленый бюстгальтер. – Насколько я помню, Гуччи дает на них пожизненную гарантию.

Софи упала на колени, сгребая вещи. «Гуччи, может быть, и дает, – подумала она. – Но к китайским подделкам это не относится, как тебе, наверное, хорошо известно».

Поезд остановился у перрона.

– Благодарю за помощь, – сказала Софи со всем высокомерием, которое только возможно изобразить с охапкой трусиков в руках. – Не смею больше вас задерживать.

– Я бы с удовольствием не задерживался, но вы стоите у меня на дороге.

Кровь горячо прилила к щекам девушки. Она прижалась к столику, освободив достаточно места, чтобы он мог пройти. Но он не двинулся с места. Взял ее сумку – легко и на сей раз аккуратно, язвительно выгнув бровь:

– После вас... если вы уже все собрали.

Когда Софи сошла на платформу, с неба снова сыпал снег, а ветер дул напрямик из Сибири. «О господи, мне надо было переодеться», – мысленно застонала девушка. Ее вампирский наряд не был рассчитан на такие холода.

Софи повернулась, чтобы в последний раз посмотреть на попутчика. Она попыталась придать прощальному взгляду выражение полной достоинства целеустремленности, как у актрисы Джули Кристи в голливудском фильме «Доктор Живаго».

– Дальше справитесь сами? – спросил он.

– Д-да. Спасибо.

Мужчина отвернулся, пряча руки в карманы пальто. Дежурный по станции дал свисток, возвещающий, что поезд готов двигаться дальше. Этот звук напомнил Софи, что она не купила билет. Вслед за криком ужаса у нее вырвалось крепкое словцо. Девушка бросилась к кондуктору, стоявшему в открытой двери тамбура:

– Нет! Постойте! Я не...

Но поезд уже набрал ход. Софи осталось лишь проводить огни глазами в снежную темноту: сердце колотилось, в животе неприятно ворочалось осознание, что за поступок она совершила. Безбилетный проезд можно приравнять к воровству, разве нет? А Софи никогда и ни за что не стала бы брать чужое.

– Что-то случилось?

Замечательно. Мистер Неодобрение, должно быть, услышал ее крик и вернулся, решив, что она обращается к нему. В тусклом свете станционного фонаря он выглядел еще более суровым и отстраненным, чем раньше.

– Нет, нет, все в порядке, – сказала она чопорно. – Впрочем, вы не подскажете, где я могу найти такси?

– Вы больше не в Лондоне, здесь нет стоянки. – Кит взглянул вдоль платформы туда, где его дожидался «бентли» с шофером. Непонятно почему, он чувствовал себя в ответе за эту девушку. – Вам лучше будет поехать со мной.

– Нет, спасибо, – холодно отозвалась она, сверкнув на него зелеными глазами. – Я пойду пешком.

– В этих ботинках?

– Да. – Девушка нетвердо направилась по обледенелой платформе прочь от него, кутаясь в выдавший виды френч военного покроя.

– Дайте-ка я догадаюсь, – Кит догнал ее. – Возвращаетесь из самоволки в свою часть?

– А вот и нет. Я собираюсь провести выходные с бойфрендом в замке Элнбург. Вы меня очень обяжете, если укажете, в какой он стороне...

Кит резко остановился:

– А как зовут вашего... бойфренда?

– Джаспер. – Ее голос дрогнул, но не утратил оборонительного высокомерия. – Джаспер Фицрой, хотя я не понимаю, какое вам до этого дело.

– Большое, поскольку Джаспер Фицрой – мой брат, – сухо сказал Кит. – Садитесь в машину.

Глава 3

Внутри «бентли» было тепло и комфортно, но кондиционеру и мягким обивкам сидений оказалось не под силу прогреть воцарившуюся в салоне ледяную атмосферу. Софи сидела очень прямо, стараясь случайно не коснуться бедра брата Джаспера своим. Он, поигрывая желваками, сердито смотрел в окно на главную улицу деревни Элнбург – каменные дома с двускатными крышами под хрустящей корочкой снега – и отнюдь не выглядел счастливым от того, что возвращается в родные места.

Мысли девушки крутились в таком же безумном танце, как снежинки за окном автомобиля. Она пыталась собрать воедино все редкие упоминания Джаспера о брате. Кит Фицрой служил в армии, в основном где-то за границей, это объясняло загар. Однажды Джаспер назвал его «человеком с купированными эмоциями». Единственным, что не составило труда вспомнить, было закрытое выражение лица и горькие нотки в обычно жизнерадостно-насмешливом голосе ее друга, когда он произносил слова «мой брат».

Софи начинала понимать причину. Она была знакома с Китом чуть больше трех часов, но этого оказалось достаточно, чтобы усомниться в его кровном родстве с Джаспером – ее милым, смешным, теплым лучшим другом и, наверное, самым близким человеком на свете.

Но раз Кит приходился Джасперу настоящей родней, он просто не мог оказаться совсем безнадежным букой. Софи решила хотя бы попытаться поладить с ним.

– Так вы, должно быть, Кит? – воскликнула она с нервным смешком. – А я Софи Гринэм. Странно, правда? Кто бы мог подумать, что мы едем в одно и то же место!

– Вы не подумали, надо полагать. – Он даже не удосужился взглянуть на нее. – Давно знакомы с моим братом?

Отлично. Он все-таки бука. Вспомнив гороскоп, Софи удержалась от ответа, вертевшегося на кончике языка: «Давно. Мы познакомились семь лет назад, и ты бы слышал обо мне, если бы интересовался его жизнью». Вместо этого голосом, сладким как сироп, она изложила придуманную ими с Джаспером легенду:

– С лета. Мы встретились на съемках фильма.

По крайней мере, насчет обстоятельств знакомства врать не пришлось. Джаспер был ассистентом режиссера на омерзительной картине об эпидемии чумы, которая, ко всеобщему счастью, так и не вышла на экраны. Софи провела несколько часов в кресле тримера, покрывшего все ее лицо язвами, только для того, чтобы произнести в кадре одну реплику. Она как раз собиралась это сделать, когда встретила глазами с Джаспером, которого трясло от беззвучного смеха. Его веселье передалось ей, что сделало следующие двадцать два дубля тяжелым испытанием для всех, но положило начало крепкой дружбе и задало ее тон. Вместе им было легче смеяться в лицо не всегда приветливому миру.

– Вы актриса?

– Да.

«Черт, почему это прозвучало как оправдание?» – подумала Софи. Может, потому, что в устах Кита слово «актриса» приобрело презрительный оттенок, с каким люди говорят «стриптизерша» или «магазинная воровка».

Стиснув зубы, девушка отвернулась посмотреть на дорогу и охнула, увидев на холме замок Элнбург. Серые стены словно бы вырастали из скал, на которых он стоял, окна светились среди пурги, придавая ему сходство с исполинской детской игрушкой в стеклянном шаре.

– Господи Иисусе!

Кит подумал, что наконец-то дождался от нее первой искренней эмоции. Которая сказала ему почти все, что он хотел знать.

Он редко испытывал сочувствие к младшему брату, но сейчас был близок к тому, чтобы искренне его пожалеть. Должно быть, Джаспер совсем потерял голову из-за девицы, раз пригласил ее на праздник по случаю семидесятилетия отца. Но из наблюдений, сделанных еще в поезде, Кит заключил, что взаимностью с ее стороны даже не пахнет. Вряд ли человек, разгадавший причину заинтересованности Софи Гринэм, мог рассчитывать на приз за проницательность.

– Невероятно! – Дыхание девушки сбилось, голос зазвучал почти испуганно. – Я понятия не имела...

– Что ваш бойфренд случайно приходится сыном графу Хоксворту? Вероятно, вы были слишком захвачены общей страстью к арт-хаусу, чтобы отвлекаться на скучные бытовые мелочи вроде семьи и происхождения.

– Не будьте смешным! – огрызнулась Софи. – Я знаю все о прошлом Джаспера – и о его семье.

К концу фразы она подпустила язвительности, чтобы дать Киту понять: брат не сделал ему хорошей рекламы. «Она думает, меня это заденет?» – вяло удивился Кит. Прохладные отношения между братьями не были тайной: старший считал младшего избалованным золотым мальчиком, любимчиком отца.

Шум мотора эхом отразился от стен башни с часами, когда машина въехала в арку. Кит почувствовал, как невидимые обручи ту же сжали его грудь и голову. Смешно, он проводил большую часть времени в зонах военных конфликтов, но нигде не ощущал себя таким одиноким и уязвимым, как здесь. На работе его всегда прикрывали люди, которым он мог доверять. Доверие меньше всего ассоциировалось у него с Элнбургом, где все постоянно что-то скрывали, лгали и не держали данных обещаний.

Он бросил косой взгляд на женщину рядом, презрительно скривил губы и подумал, что новая подруга Джаспера впишется в эту обстановку как нельзя лучше.

Софи не стала дожидаться, когда шофер откроет для нее дверцу машины. Едва «бентли» остановился, она нажала на кнопку, стремясь поскорее выбраться из замкнутого пространства, которое ей пришлось делить с Китом Фицроем.

Порыв ледяного ветра развеял туман в голове, но едва не сбил с ног, швырнув прядь волос в глаза. Софи нетерпеливым жестом заправила ее за ухо. Замок Элнбург возвышался прямо перед ней. И над ней. И вокруг нее. Она завертела головой, разглядывая крепостные стены, внушительные строения и побитые временем башни. Взгляд не нашел ничего, что выглядело бы хоть немного приветливым или гостеприимным. Элнбург был построен для того, чтобы отпугивать людей и не пускать их внутрь.

Девушке подумалось, что в таком месте брат Джаспера должен чувствовать себя как дома.

Обернувшись, Софи увидела, как Кит достал из багажника ее сумку и направился с ней к широкому входным дверям. Торчащая наружу бретелька зеленого бюстгальтера кокетливо колыхалась в такт его шагам. Девушка заторопилась следом, звонко стуча каблуками по холодным плитам двора.

– Пожалуйста, отдайте сумку. – Она не желала от Кита больше никаких неохотных одолжений. – Лучше я понесу ее сама.

Кит остановился на середине лестницы, сделал секундную паузу, словно мобилизуя остатки терпения, потом посмотрел на Софи:

– Как вам будет угодно.

Девушка потянулась за протянутой сумкой, но вместо лямки нечаянно схватилась за его руку. Оба отшатнулись, как ошпаренные, злополучная сумка снова упала, вывалив вещи на заснеженные ступеньки. Софи одолел приступ истерического хихиканья, нечаянное прикос-

новение пустило сердце вскачь. Некстати подумалось, что рука Кита оказалась неожиданно теплой для человека, который производил такое холодное впечатление.

– Мне кажется, у вас слишком много нижнего белья и слишком мало верхней одежды, – заметил Кит, когда они склонились над рассыпанными вещами.

Судя по интонации, он считал это достойным порицания.

– Не вижу смысла тратить деньги на то, что интересно надеть только один раз. А нижнее белье – практичное вложение. – Софи выхватила из его рук розовую комбинацию. – О господи, это путешествие превращается в какую-то глупую комедию!

Кит выпрямился и поднял бровь:

– Если вам нравятся фарсы, вы приехали в самое подходящее место.

Затем он продолжил путь к дверям. Софи поспешила за ним, с излишним напором записывая в сумку сбежавшее белье и сражаясь с желанием иронично извиниться перед Китом за свой гардероб, акцент, происхождение, воспитание и отношение к жизни. Но стоило ей оказаться внутри замка, вся ее бравада рассыпалась в пыль.

Где-то, по ощущениям, в километре над ее головой переходили в сводчатый потолок каменные стены, густо увешанные мушкетами, мечами, пиками и другими средневековыми инструментами человекоубийства. К арсеналу прилагались доспехи – стальные пластины отражали свет кованого светильника, свисавшего с толстой цепи.

– Какой уютный и гостеприимный холл, – сказала Софи, разглядывая латы под двумя скрещенными мечами. – Могу поспорить, коммивояжеры беспокоят вас нечасто.

– Семнадцатый век, – ответил Кит без улыбки, но с вполне подходящим к случаю тусклым стальным блеском в глазах. – Это оружие предназначалось для того, чтобы уничтожать врагов, а не пугать коммивояжеров.

– Ничего себе. – Софи провела пальцем по нагруднику, оставив сверкающую дорожку в слое пыли. – Почему-то мне кажется, что у вас, Фицроев, очень много врагов.

Она не смотрела на Кита, но чувствовала, что он смотрит на нее. Странно, его взгляд был ледяным, а ее кожу обдало жаром. Громко тикающие где-то часы отсчитали несколько секунд прежде, чем он ответил:

– Скажем так, мы привыкли защищать свои интересы. Вне зависимости от того, кто им угрожает.

Софи ясно расслышала в его словах небрежно завуалированное предупреждение. Она открыла было рот, чтобы возразить, но не нашла аргументов. Те, что приходили в голову, вряд ли стоило использовать в споре с человеком, в кругу семьи которого ей предстояло провести выходные.

– Я хотела бы увидеть Джаспера. Наверное, он уже удивляется, куда я запропастилась.

Кит повернулся, и она последовала за ним через другой обширный холл. Камин в обоих концах зала были черны и пусты. При каждом выдохе в воздухе повисало облачко пара. Здесь стены украшали охотничьи трофеи: головы животных скорбно провожали девушку стеклянными глазами.

«Вот что бывает с теми, кто встает на пути Фицроев», – подумала Софи, выпрямляя плечи. Она не должна позволять Киту запугать себя, тем более, он обвинял ее, не зная всех обстоятельств. Она действительно приехала сюда как подруга Джаспера, а нужда в легенде возникла именно потому, что ханжество не позволяло членам его семьи принять правду о нем.

Тяжелые двустворчатые двери в конце холла открылись, впустив Джаспера.

– Соф! Ты приехала!

По крайней мере, она предполагала, что это Джаспер. Куда делись его экстравагантные костюмы, шелковые пиджаки, которые он носил с футболками и драными джинсами? Парень, который спешил к ней, раскрыв объятия, был одет в отутюженные брюки, блейзер поверх

застегнутой на все пуговицы рубашки и – недоверчивый взгляд Софи переместился ниже – лакированные ботинки.

Джаспер взял ее лицо в ладони и поцеловал гораздо нежнее, чем она привыкла. Первым побуждением Софи было отпихнуть его и спросить, что за игру он затеял, но она вовремя вспомнила, зачем ее сюда пригласили. В очередной раз уронив несчастную сумку, Софи обвила шею Джаспера руками. Взгляд серебристых глаз наблюдавшего за ними Кита снова зажег под ее кожей щекотное, неумное пламя, и раньше, чем Софи успела сообразить, что делает, она сладострастно прижалась к Джасперу, ероша пальцами его волосы.

Любовные сцены в фильмах научили ее придавать порнографический подтекст самой невинной романтической ситуации. Когда чуть позже она позволила Джасперу высвободиться, его глаза смеялись.

– Ты уже познакомилась с большим братом Китом? Надеюсь, он приглядывал за тобой.

Память Софи услужливо вытолкнула на поверхность образ Кита с охапкой разноцветных кружевных трусиков и лифчиков в сильных руках.

– О да! – Она с энтузиазмом закивала. – Боюсь, я доставила ему много хлопот. Если бы не он, я бы пропустила станцию и уехала в Эдинбург. Или туда бы уехало все мое белье.

– Нам повезло оказаться в одном вагоне, поэтому у нас был шанс... немного узнать друг друга.

Только Софи могла уловить угрозу, скрытую в вежливых словах. Мысль, что в лице Кита она нажила врага, принесла ощущение усталости и одиночества.

– Отлично. – Джаспер потянул Софи за собой. – Пойдем, Ма и Па умирают от желания с тобой познакомиться.

Внезапно девушку накрыло волной паники. Ее охватил страх оказаться в центре внимания людей, которые будут смотреть, оценивать, судить. И возможно, разглядят за актерскими уловками ее настоящую. Софи дрожала под натиском комплексов и сомнений, когда-то испортивших ее первое и единственное выступление на театральной сцене. Что, если она не справится? Что, если вдохновение не придет, реплики выскочат из головы, и ей останется только быть самой собой? Софи начала актерствовать в жизни задолго до того, как это стало ее профессией, играть роли и менять маски было для нее привычно и естественно, но...

– Джаспер, стой! – хрипло взмолилась она, упираясь.

– Что с тобой?

Его дружелюбное лицо отразило беспокойство. Головы животных смотрели на нее со стен так же презрительно, как и портрет предка Фицроев в белом кружевном жабо и с заплывшими глазами.

Вот чего она не учла, соглашаясь помочь Джасперу. Замок Элнбург с его почти бесконечной историей, битком набитый символами богатства, статуса и избранности, принадлежал к числу мест, где Софи чувствовала себя наиболее уязвимой.

– Я не могу пойти туда... в этом наряде. Я прибежала на вокзал прямо с проб к фильму про вампиров, думала переодеться в поезде, но...

Она распахнула полы пальто, и Джаспер присвистнул.

– Не волнуйся. Отдай мне свое пальто и накинь сверху вот это, не то замерзнешь. – Он быстро снял и протянул ей блейзер, а ее пальто повесил на рога ближайшего трофейного лося. – Ты понравишься родителям вне зависимости от того, что на тебе надето. Особенно Па, для него твой наряд – вообще подарок. Пошли, пошли в гостиную. По крайней мере, там тепло.

«Фильм про вампиров», – неодобрительно повторил про себя Кит. С каких пор вампиры одеваются как девочки по вызову? Если, конечно, это не один из тех фильмов, которые его бойцы привозят из отпусков, чтобы смотреть между заданиями под пиво.

Эта мысль его неожиданно взволновала.

Усталость налила плечи свинцом. Кит пока не чувствовал себя готовым к встрече с отцом и мачехой. Направляясь к лестнице, он прошел место, где раньше висел портрет матери. Отец заменил его огромным полотном, изображающим его вторую жену Татьяну в синем шелковом платье и бриллиантах, которые муж подарил ей в день свадьбы.

Джаспер прав. Если костюм Софи может кому-то понравиться, то этим кем-то будет их отец Ральф. О его любви к женщинам легкого поведения ходили легенды.

А вот о брате Кит такого сказать не мог. И это его тревожило. Даже если бы он не подслушал ее телефонный разговор в поезде, даже если бы не испытал на себе ее сексуальный магнетизм, ему достаточно было взглянуть на них с Джаспером вместе, чтобы понять: вампириша или нет, эта девица украдет сердце бедного дурачка и съест его на завтрак.

Комната, куда Джаспер привел Софи, была заставлена мебелью и залита светом ламп под шелковыми абажурами. Люстра величиной с космический корабль нависала над двумя гигантскими диванами, в камине ревели пламя.

Ральф Фицрой шагнул ей навстречу. Софи потрясло, каким старым он выглядит. Собственная реакция показалась ей смешной: она знала, что приглашена к нему на семидесятилетие. Седые волосы были зачесаны назад над мясистым красным лицом, а глаза почти исчезли в паутине веселых морщинок, когда скользнули по ее телу вниз и снова вверх, но не дальше груди.

– Софи, я рад знакомству.

– И я, сэр.

«Откуда взялось это «сэр»? – подумала Софи с немым стоном. – Не хватало еще сделать реверанс!» Она должна была играть подружку Джаспера, а не горничную из костюмной мелодрамы. Но Ральф, кажется, ничего не заметил. Он сжимал ее руку, разглядывая Софи с интересом, словно она была выставленным на продажу произведением искусства.

Софи вдруг вспомнила «Обнаженную с лилиями» Жан-Клода, и все тело закололо тоненькими иголочками стыда. К счастью, в этот момент их с Ральфом тет-а-тет прервала женщина в облегающем белом шерстяном платье, призванном подчеркнуть ее стройную фигуру, платиновые волосы, кожу цвета персика и стоимость тройной нитки жемчуга вокруг шеи. Обдав девушку ароматом дорогого парфюма, она расцеловала воздух возле ее щек.

– Софи, как мило с твоей стороны было проделать такой путь, чтобы присоединиться к нам! Надеюсь, путешествие было не слишком ужасным?

В речи Татьяны Фицрой все еще слышался русский акцент, но в остальном она говорила так правильно, будто играла роль в классической театральной постановке. Изображала элегантную хозяйку дома, приятно взволнованную первой встречей с подругой обожаемого сына. Проблема заключалась в том, что она не была хорошей актрисой.

– Я хорошо доехала.

– Но ведь ты ехала на поезде, а они сейчас переполнены. После такой толпы чувствуешь себя немного... запачканной, не правда ли?

– Не нагнетай, дорогая, – вмешался Ральф. – Ты, наверное, уже не помнишь, когда в последний раз была в поезде.

– Первый класс совсем не так плох, – сказала Софи, стараясь сделать вид, что ей бы и в голову не пришло путешествовать в обычном вагоне.

– Мало места для ног, – возразил низкий голос за ее спиной.

Софи резко обернулась. Кит стоял в дверном проеме, просматривая толстую пачку писем.

В камине весело потрескивал огонь, но девушке показалось, что температура в комнате сразу упала на несколько градусов. Все на миг замерло, потом Татьяна вышла вперед, словно по подсказке невидимого суфлера:

– Кит. Добро пожаловать обратно в Элнбург.

«Значит, не я одна считаю его невыносимым», – подумала Софи, услышав прохладцу в голосе Татьяны.

– Прекрасно выглядишь, Татьяна, – сказал Кит, почти не удостоив ее взглядом.

Софи заметила, что ростом и шириной плеч он значительно отличается от отца и брата, словно его кроили по другим лекалам. Закатанные рукава белой рубашки открывали загорелые мускулистые руки. Девушка отвела глаза.

Ральф отошел к столику, заставленному хрустальными графинами со спиртным, и плеснул виски в еще не опустевший с прошлого раза бокал. Стекло нервно звякнуло о стекло, но, когда он повернулся, на его лице застыла дежурная улыбка.

– Кит.

– Отец.

Голос Кита не выражал никаких эмоций, однако Ральф вздрогнул, хотя и постарался скрыть это, поднеся к губам бокал.

– Хорошо, что ты добрался, хотя наше приглашение было... формальностью. Мы знали, как ты занят. Надеюсь, ты не счел, что обязан приехать.

– Не счел. – Глаза Кита сверкнули, как лунные лучи на льду. – Я слишком давно здесь не был, а у нас еще остались темы для обсуждения.

– Господи, Кит, ты же не собираешься опять настаивать на...

Двойные двери открылись. Вошедший в комнату худой старик почти неувовимо кивнул Татьяне. Она грациозно взяла мужа под руку, оборвав его на полуслове:

– Ужин готов. Приглашаю всех к столу.

Глава 4

Ребенком Софи мечтала быть частью большой семьи, которая каждый вечер собирается вместе за столом. Если бы она заранее знала, какими тоскливыми могут быть такие ужины, предпочла бы грезить о пони или о главной роли в детском сериале.

Столовая была огромной и мрачной. С портретов на стенах высокомерно смотрели очередные предки хозяев замка. «Какие неприятные люди», – подумала Софи, невольно передернув плечами. Физическую привлекательность, щедро распределенную между Китом и Джаспером, видимо, следовало считать недавним вливанием в генофонд. Из всех изображенных персон по-настоящему привлекательной была только женщина в розовых шелках, с цветами в замысловатой прическе и сдержанно-загадочной улыбкой на губах.

После водянистого супа на стол подали серую рыбу с чем-то зеленым, что походило на шпинат и пахло вареными носками. Софи больше не удивляло, как Татьяна умудряется оставаться такой худой.

– Выглядит изумительно, – жизнерадостно солгала она.

– Спасибо. – Татьяна приняла комплимент с таким видом, будто приготовила все сама. – Потребовались годы, чтобы научить миссис Дэниелс готовить что-то кроме пирогов с потрохами и жареного мяса, но в конце концов она поняла концепцию низкокалорийной пищи.

– К сожалению, – пробормотал Кит.

Оставив это без внимания, старший Фицрой потянулся за пыльной бутылкой вина, наполнил свой бокал и повернулся, чтобы поухаживать за Софи:

– Джаспер сказал, вы приехали из Парижа. Снимались там в каком-то фильме?

Девушка, положившая в рот кусочек рыбы, смогла только кивнуть.

– Как любопытно, – полным сомнения тоном сказала Татьяна. – И о чем фильм?

Софи прикрыла рот рукой, чтобы скрыть гримасу, вызванную необходимостью проглотить рыбу.

– История сотрудничества британских спецслужб с французским Сопротивлением в годы Второй мировой. Действие происходит в основном на Монмартре, среди богемы.

– И кого вы играли?

Софи не нужно было поднимать глаза от тарелки, чтобы понять, что вопрос задал Кит. Он не сводил с нее взгляда, пронзительного, как лазер.

– Проститутку по имени Клодин, которая нечаянно выдает гестаповцам любовника-подпольщика.

По губам Кита скользнула мимолетная улыбка. Каким-то образом он заставлял Софи чувствовать себя третьеклассницей, которую поймали за сараем с сигаретой и отконвоировали в кабинет директора.

– Должно быть, вы встречаете много интересных людей, – сказала Татьяна.

– О да. В смысле, иногда. Актеры – страшные эгоцентрики, их компания может быть довольно утомительной.

– Все же они не так плохи, как художники, – рассеянно вмешался Джаспер, занятый извлечением костей из куска рыбы. – Продюсеры заказали несколько картин для фильма, но художники оказались такими примадоннами, что актеры в сравнении с ними выглядели почти что нормальными людьми, правда. Соф?

В мозгу Софи завывала тревожная сирена. Она посмотрела через стол на Джаспера, стараясь телепатически донести до него стоп-сигнал, но он был поглощен препарированием обеда:

– Один обзавелся навязчивой идеей рисовать Софи. Подошел к нам в баре и часа два глазел на нее, как кот на сливки, бормоча что-то о лилиях.

Софи чувствовала себя так, словно молния ударила в нее и припаяла жуткую кривую улыбку к ее лицу. В отчаянии оглядываясь по сторонам, девушка снова наткнулась взглядом на портрет дамы в розовом. Выражение ее лица больше не выглядело загадочным – казалось, она еле удерживается от смеха.

– Если бы мне обещали такой же результат, я согласилась бы позировать не задумываясь, – сказала Софи, указывая на картину. – Кто она?

– Ах... – Ральф проследил за ее рукой. – Это леди Кэролайн, жена четвертого графа и одна из самых красочных героинь семейной истории. Женщина сомнительного происхождения, бывшая певица мюзик-холла – никаких аристократических задатков. Кристофер Фицрой был на двадцать лет младше ее, но влюбился с первого взгляда и, к ужасу приличного общества, взял ее в жены.

– Смелый поступок. – Софи оживилась, поняв, что ей удалось-таки отвлечь собеседников от опасной темы.

– Смелый или глупый? – Презрение в голосе Кита было слышно невооруженным ухом. Их глаза встретились, и в холодном воздухе защелкали электрические разряды.

– Пойти против общества и семьи нелегко, это требует смелости. – Софи чуть приподняла подбородок. – Но ради любви стоит приносить жертвы.

– Их не стоило приносить ради этой женщины.

Софи воинственно рассмеялась и возразила прежде, чем успела остановить себя:

– Потому, что она была слишком низкого происхождения?

– Вовсе нет. Потому, что она его не любила.

– Откуда вы знаете?

– Ну, – задумчиво сказал Кит. – То, что она изменяла ему направо и налево, может служить косвенным доказательством, вы согласны? Список ее любовников довольно обширен и разнообразен – от лакеев и конюхов до французского художника, писавшего этот портрет.

Если не считать нотки осуждения, голос Кита звучал так мягко, что почти загипнотизировал девушку. Пламя свечей отбрасывало тени на его резкие скулы и делало более теплым цвет лица, но ничто не могло растопить льдинки в его глазах.

– Француз? Мне казалось, парень был итальянцем, – поправил сына Ральф.

– Конечно. Я перепутал.

«Каков негодяй! – мысленно возмутилась Софи. – Ничего ты не путал, ты просто пытаешься выбить меня из колеи». Она вздернула подбородок и изобразила улыбку, призванную доказать, что она все еще в колее и покидать ее не собирается.

– И что с ней случилось?

– Ничего хорошего, – ответил Ральф и снова наполнил бокал Софи. – Очень некрасивая история.

– Она забеременела, – буднично сказал Кит. – Граф, наивный растяпа, был вне себя от радости. Долгожданный наследник Элнбурга...

Софи сделала еще глоток бархатистого вина, не отводя глаз от губ Кита. Она подумала, что могла бы часами наблюдать за тем, как он разговаривает. А еще ей хотелось увидеть его улыбку – настоящую улыбку. И услышать смех. И узнать, как он целуется...

Нет. Стоп. Этому стоилику больше не наливать. Софи торопливо поставила бокал и для верности сунула руки под попку.

– Графиня знала, как невелика вероятность того, что это его ребенок, – продолжил повествование Кит. – Ей не составило бы труда обмануть мужа, но другие члены семьи не были ослеплены любовью. К тому же кто-то из любовников заразил ее сифилисом. Она поняла, что загнала себя в безвыходное положение.

– И что она сделала?

Кит посмотрел Софи прямо в глаза:

– На последних неделях беременности бросилась вниз с Восточной башни.

Софи приложила максимум усилий, чтобы тошнотворное впечатление от этой истории не отразилось на ее лице. К счастью, в этот момент к разговору присоединился Джаспер, и его веселый голос развеял напряжение, снова сгустившееся над столом.

– Бедная старушка Кэролайн. Ей пришлось дорого заплатить за удовольствие. Говорят, холодными зимними ночами по замку бродит ее призрак, обезумевший от угрызений совести. Или от сифилиса.

– Я тебя умоляю, Джаспер. – Татьяна промокнула салфеткой надутые губы. – Хватит о Фицроях. Пусть лучше Софи расскажет о своей семье. Откуда ты родом, дорогая?

Родом? В устах Татьяны это прозвучало так, будто в ее мире абсолютно все имели замки и деревни, полные крепостных. Из-за головы нынешней хозяйки Элнбурга разбитная графиня Кэролайн поглядела на Софи с насмешливой жалостью.

– С юга Англии, – пробормотала девушка, взглядом попросив Джаспера о помощи. – Но мы довольно часто переезжали.

– А чем занимаются твои родители?

– Моя мама – астроном.

Это не было ложью, скорее сознательной оговоркой. Люди всегда путают астрономов и астрологов.

– А твой...

– Кстати о звездах, – вклинился Джаспер. – Как прошел твой благотворительный аукцион, Ма?

Не самый изящный способ сменить тему, но это сработало. Татьяна принялась рассказывать про аукцион, дворецкий Томас явился, чтобы убрать со стола, а временно забытая всеми девушка поглубже вжалась в кресло и выдохнула с облегчением. Сердце все еще билось так, словно она только что дралась или бежала, но Софи надеялась, что вопрос ее происхождения исчерпан, и на остаток уик-энда можно расслабиться.

Настолько, насколько ей это позволит Кит Фицрой, конечно. Глаза, как магнитом, притянуло к нему, по телу прошла дрожь сексуального возбуждения.

Софи была предрасположена увлекаться мужчинами, которые не обещали ничего, кроме неприятностей. Но даже ей, наверное, не стоило стремиться наступить на все виды романтических граблей. Мужчины с «купированными эмоциями» казались подходящими кандидатами на исключение из списка.

– Гости были так щедры, – мурлыкала тем временем Татьяна. – И мне удалось повидаться с друзьями, которых я потеряла из виду в нашей глуши. Кстати, Кит, одна приятельница сказала, что ты разбил сердце подружке ее дочери.

Кит поднял глаза:

– Пока я не услышу имен приятельницы, дочери или ее подруги, я не смогу подтвердить или опровергнуть эту информацию.

– Ну, перестань. – Татьяна нервно рассмеялась. – Много ли сердец ты разбил в последнее время? Я говорю об Алексии. Салли Ротвелл-Хайд утверждает, что девочка страшно расстроена.

– Она преувеличивает, – сказал Кит скучающим тоном. – Алексия с самого начала понимала, что все это несерьезно. Сдается мне, Джаспер обеспечит Элнбург наследниками раньше, чем я.

Он взглянул на Софи, гадая, каким будет ее ответ, но девушка молчала. Сидела очень прямо, неподвижно. Яркие волосы подчеркивали восковую бледность лица.

– Что-то не так? – тихо поинтересовался он.

Софи взглянула на него полными ужаса глазами, но тут же моргнула и взяла себя в руки:

– Извините, я отвлеклась. Вы что-то спросили? – Дрожащей рукой она убрала прядь волос со щеки.

– Соф? – Джаспер поднялся. – Ты в порядке?

– В полном. – Она натужно рассмеялась. – Просто устала. Это был очень длинный день.

– В таком случае тебе нужно поскорее лечь в постель, – сказала Татьяна. – Джаспер, проводи Софи в ее комнату.

Глядя в спины брату и его подружке, Кит задумчиво допивал вино и вспоминал, как крепко и безмятежно Софи спала в поезде. Что бы ни послужило причиной ее внезапного нездоровья, это была не усталость. Скорее уж, мысль, что от нее ждут наследников. Похоже, девочка начала понимать, во что ввязалась. И раскисла быстрее, чем он ожидал.

Глава 5

Безучастно, молча Софи позволила Джасперу вести себя наверх по широкой лестнице. «Фамилия Ротвелл-Хайд может оказаться распространенной, – думала она. – Вероятно, в телефонном справочнике записан как минимум десяток Ротвелл-Хайдов, рассеянных по стране. Никто, живя здесь, не станет посылать дочь учиться в другое графство, это не имеет смысла».

Джаспер остановился у подножия маленькой, в несколько ступенек, лесенки, ведущей в мрачный, отделанный деревом коридор с единственной дверью в конце.

– Твоя комната там, но мы пойдем ко мне. У меня разожжен камин и где-то есть бутылка водки. Ты выглядишь так, словно стопочка тебе не помешает.

– Я в порядке. – Ей потребовалось сделать усилие, чтобы голос звучал ровно. – Прости, Джаспер. Я должна была поддержать тебя, а вместо этого твои родители, наверное, думают, что их сына угораздило связаться с неврастеничкой.

– Не глупи. Они были в восторге. Во всяком случае, пока ты чуть не свалилась в обморок лицом в тарелку. Я понимаю, что рыба была мерзкой...

– Не настолько. – Софи засмеялась.

– Тогда что?

За время знакомства Софи рассказала Джасперу множество смешных историй о своем детстве: не каждая девушка могла похвастаться тем, что росла в автобусе, разрисованном цветами и пацифистскими лозунгами, с мамой, которая называла себя Радугой, красила стриженные ершиком волосы в пурпурный цвет и принципиально не носила бюстгальтер.

Но память Софи хранила и другие истории, которыми она не делилась. Они относились к годам, когда тетя Джанет взяла ее под опеку и отправила перевоспитываться в закрытую частную школу – на растерзание Олимпии Ротвелл-Хайд и ее подпевалам...

Она с улыбкой покачала головой:

– Просто устала. Честно.

– Тогда пошли. – Джаспер двинулся дальше по коридору, яростно потирая руки. – Здесь достаточно постоять без движения секунду, чтобы превратиться в ледяной столп. Надеюсь, ты захватила теплое белье.

– Пожалуйста, ни слова больше про белье! Оно и так уже отхватило слишком большую роль в этом уик-энде, а ведь он только начался. – Вместе с воспоминаниями о приключениях сумки на ум Софи пришел телефонный разговор, подслушанный Китом в поезде. – По-моему, я сделала все возможное, чтобы не понравиться твоему брату.

– Сводному брату, – поправил ее Джаспер с горечью. – Не беспокойся насчет Кита. Ему никто не нравится. Он приезжает сюда, чтобы судить нас всех.

– Я здесь из-за него, да? Ты больше боишься реакции Кита, чем родителей.

– Шутишь? Ты же видела отца. Он принадлежит к поколению, которое свято уверено, что гомосексуалисты одеваются в розовое и носят сумочки.

– А в чем оправдание Кита?

Джаспер помедлил перед закрытой дверью, опустив голову. В Лондоне он всегда укладывал волосы гелем и подводил глаза – без всего этого его тонкое благородное лицо казалось очень юным и странно беззащитным.

– Кит не любит меня. Я каждый день чувствовал это, пока рос. Он не говорил и не делал ничего ужасного, но от него прямо несло холодом, что еще хуже.

Это Софи легко могла себе представить.

– Теперь я стал старше и понимаю, как трудно ему пришлось – расти без матери, когда у меня она была, – продолжил Джаспер. – Ты, наверное, заметила, что мама не слишком богата

душевым теплом. Вряд ли она лезла из кожи вон, чтобы Киту было хорошо. А меня – своего единственного ребенка – она, кажется, порядком избаловала...

– Да что ты говоришь! – Софи широко распахнула глаза в притворном удивлении.

Джаспер усмехнулся:

– Чтобы ты знала, это та часть замка, которую облюбовал призрак безумной графини.

Будешь издеваться, я убегу и оставлю тебя здесь одну.

– Только попробуй.

Все еще смеясь, он открыл дверь:

– Черт, огонь погас! Заходи и быстрее закрывай дверь, вдруг еще не все выдуло!

Большая комната была заставлена массивной темной мебелью, сделанной по меркам гигантов. Пока Джаспер пытался расшевелить дрова в камине, Софи пробралась между островками разбросанной по полу одежды к окну.

– А что случилось с матерью Кита?

– Сбежала, когда ему было около шести лет. Эта тема в семье табу, но, насколько я знаю, она никого не предупредила, ничего не объяснила, ни с кем не попрощалась. Просто исчезла. Со временем отец получил развод на основании того, что Джульет ему изменяла. По-моему, Кит с ней больше никогда не виделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.